

/ Интервью Эд. Шеварднадзе грузинскому радио /

Корреспондент — Господин Эдуард, основным событием на прошлой неделе в нашей политической жизни был ваш визит в Иран. В принятых документах сказано, что стороны позаботятся об установлении стабилизации и мира в регионе, о сохранении территориальной целостности и управления. Подчеркнуто большое значение кавказского региона, сказано, что стороны будут благоприятствовать изучению персидского языка в Грузии, грузинского языка в Иране. Сейчас мы хотим выделить два пункта. Конкретно пункт II-й, где сказано, что обе стороны изъявляют желание о создании предпосылок для соединения Черного моря; Каспийского моря и Персидского залива путем тесного и конструктивного сотрудничества и о возможности использования обеими сторонами транзита по этому маршруту. И I9-й пункт, где сказано, что обе стороны выражают желание о том, чтобы Персидский залив и Черное море объявить свободной зоной от ядерного и химического оружия.

Мы помним, что раньше был создан экономический союз бассейна Черного моря. Не означает ли все это, что Грузия уже на международном уровне утвердила собственные права на Черное море?

Шеварднадзе — В вашем вопросе уже даны ответы на множество вопросов. О визите в Иран я, наверно, буду иметь возможность говорить на парламенте. Значение этого визита вышло за рамки взаимоотношений двух стран и приняло более широкий, глобальный характер. Этот диалог принял такой характер, что значение визита больше возросло.

Вы уже упомянули о Черном море, Каспийском море, Персидском заливе. Я думаю, этим уже отметили, что этот визит дал толчок новой миссии Грузии не только в этом регионе.

На основании итогов визита и того, что мы являемся ~~критическим~~ страной Черноморского побережья, мы имеем определенную перспективу быть необходимыми для Каспийского моря и Каспийское море становится необходимым для нас. И что очень интересно и значительно, в будущем каждый наш гражданин поймёт, что значит для нас выход в Персидский залив, это уже означает связь со странами Среднего Востока, с арабским миром и большие строительства нашей экономической и неэкономической жизни. В перспективе все это может превратиться в жизненные интересы Грузии. Я имею ввиду перспективы

развития автомобильного транспорта, железнодорожного транспорта, морского транспорта и т.д., что вызовет обязательно активизацию, оживление и последующее усиление нашей экономической жизни.

Я хочу подчеркнуть, что здесь наши оппоненты крутят разные варианты, ищут какие-то противопоставления, негативные стороны в связи со всеми акциями. Я рад, что это происходит. Оппозиция должна быть, но она должна иметь не интригующий, а серьезный характер. Но это ещё ничего. Дело в том, что некоторые говорят, будто этот визит был необходим для того, чтобы указать третьей или четвертой стране на что-то и т.д. Это — немножко детское рассуждение. Этот визит не был направлен против интересов никакой третьей стороны. Я не сторонник того, чтобы связаться с одной страной для того, чтобы свести счеты с другой страной, или создать более благоприятные условия для себя. В данном случае у нас есть баланс интересов, мы сидим в этом балансе. Я думаю, что мы правильно строим и выводим этот баланс и в этом отношении этот визит имел серьезное значение.

Вы помните мой первый визит в Иран. Иран тогда был действительно в изоляции, особенно в Европе и в мире свирепствовали антииранские настроения в связи с приговором в отношении известного писателя Рухи. Тогда я был в Сирии и после Сирии мой визит должен был состояться в Тегеране. Тогда некоторые мои коллеги позвонили из Москвы и посоветовали не делать этого визита. Но тогда я совершил необычайный шаг, прибыл в Иран и повидался с Аятола Хомейни. Тогда это был беспрецедентный случай. Этот шаг, с одной стороны, способствовал тушению пожара и писатель сейчас жив, его произведения читают во всех странах мира и сейчас меньше говорят об изоляции Ирана. Но все-таки существует некий антииранский комплекс. Одной из целей моего визита было и то, чтобы Грузия сделала всё возможное для улучшения отношений между востоком и западом. И если в двух словах выразить, этот визит есть забота о завтрашнем дне Грузии, проникнутое заботой о будущем. Что касается изучения персидского языка в Грузии

и грузинского в Иране, то я думаю, что мы должны интересоваться не только европейскими языками. Здесь, к сожалению, я не подхожу в качестве примера, такова была моя молодость, но к вниманию определенной части молодежи я должен сказать, что им необходимо изучать персидский язык, как другие изучают западные языки.

Я знаю, что в Иране имеется определенный интерес к изучению грузинского языка, особенно в той общественности, которую можно назвать грузинской. Я имел с ними встречу, это была очень волнующая встреча и я счастлив, что перед этим народом нет того барьера, который был раньше и они могут свободно приехать в свою Родину, Иран они считают своей родиной и мы не должны удивляться этому.

Некоторые из них просят, чтобы мы их ввели в какое-нибудь дело, у них имеются некоторые сбережения...

Мы должны помочь тем иранским грузинам, которые хотят изучать грузинский язык.

На вопрос корреспондентки о том, что в торжествах по инаугурации Президента США Клинтона никто из Грузии не присутствовал, случайно ли то, что эти торжества совпали с визитом Шеварднадзе в Иран, Шеварднадзе ответил:

— Я сегодня отправил телеграмму президенту США Клинтону, с которым установились довольно хорошие взаимоотношения. У нас состоялся телефонный разговор, был обмен и письмами, есть и другие контакты и пусть сегодня никто не волнуется, у нас с новой администрацией Америки будут если не лучшие, во всяком случае такие же взаимоотношения, какие были с администрацией Буша.

...Для тех, кто думает, что у Грузии нет своего курса внешней политики, своей доктрины, своей концепции, как некоторые любят говорить, скажу, что у нас есть наша доктрина, наше место под солнцем и исходя из этого места, пока что действуем правильно в области внешней политики.

Во внутренней политике у нас есть много трудностей, сложностей и ошибок.

И во внешней политике многие наши действия определяются тем, что мы — страна активного нейтралитета и должны оставаться таковой.

Корреспондент: — Господин Эдуард, фактически вы сами воздержались в парламенте от выступления об итогах визита в Иран. Не исходит ли это от того, что ещё не подписан договор между Россией и Грузией. Тем более, что по мнению части политических партий, нельзя подписать договор до тех пор, пока не будут выведены

части Российской армии из Грузии, в первую очередь, из региона Цхинвали и Абхазии. Об этом и в парламенте были дебаты.

Шеварднадзе: — Нет, я не воздержался, завтра и послезавтра будет заседание парламента и я должен выступить с отчетом об этом визите. Просто я хотел время, чтобы поразмыслить над всем, что произошло, может, некоторые нюансы будут интересны для парламента.

Что касается второго вопроса, хорошо что вы подняли его, этот вопрос. Я хочу обратиться ко всей Грузии, ко всем гражданам Грузии.

Сейчас идут переговоры между Россией и Грузией. Я хочу поставить этот вопрос в таких масштабах, чтобы ни один гражданин Грузии не был равнодушен к этому событию. К взаимоотношению к России сегодня намечаются две тенденции. Одна, по-моему, здоровая тенденция, люди, которые реально мыслят о том, что нельзя автоматически, механически оторваться от страны, особенно экономически и по другим направлениям, с которой отношения строились в течение 200, 250 лет и, как говорится, наша экономика всеми цепями привязана к экономике России. И разрыв этих цепей означает остановку нашей экономики. Как бы ни говорили и сколько бы ни говорили и не так уж без основания, об исторических несправедливостях России в отношении к Грузии, если мы не будем считаться с той реально существующей интеграцией, которая осуществлялась в течение этих десятков и сотен лет, это был бы детский наивный подход к большой политике, проблеме. Я в тот день в парламенте во время дебатов сказал, что 2,3,4-года для нас обязательны, чтобы мы подумали о новых путях, новых вариантах, возможностях. То, что выгодно, мы должны сохранить для того, чтобы не выгодно, мы должны иметь другой вариант. Для поиска этого второго варианта нужно время. Сейчас состоялся блестящий визит в Иран. Я убедился в том, что мы выбрали хороших министров. Мы увидели, что в Иране имеются хорошие перспективы. В некоторых сферах возможно мы будем иметь альтернативу, но чтобы эта альтернатива превратилась в дело и реальный союз, иногда понадобится месяц и даже год.

Вот поэтому я хочу, чтобы наш народ хорошо обдумал, что означает сегодня наше взаимоотношение с Россией. Ну хотя бы нахождение определенной части армии России в Грузии, они должны иметь возможность нормально оставить Грузию, чтобы к тому времени, когда будут

уходить, успели бы построить для них квартиры, чтобы создали для них нормальные условия также, как это сделала Германия. Мы не сможем для них сделать то, что сделала Германия — построила квартиры и дома, предоставила России кредит и т.д. Но мы можем сделать так, чтобы расстаться друзьями, чтобы и в будущем были друзьями. Вот поэтому я так обратился к парламенту и всей Грузии, что сегодня стоим перед выбором и должны сделать мудрый выбор, исходя из наших отечественных интересов, а не только из эмоций.

Корреспондент: — Среди одной части населения недовольство вызывает то, что в аппарате главы парламента есть параллельные структуры парламентских комиссий, что президиум заменила коллегия и что Грузия идет не по тому пути, по которому она должна идти.

Шеварднадзе: — Все, что сделано, сделано в рамках закона. Закон о власти предполагает, что глава государства имеет право создать свой аппарат. Без аппарата любое государство, как бы мы его не называли — бюрократическим или большевистским... наследием, без аппарата ни одно государство не может работать. Между прочим, я должен сказать, что мы кое-что заимствовали из практики администрации США. Там есть Совет безопасности, есть аппарат президента. Это не его копирование, но кое-что мы заимствовали. В этом ничего нет осудительного. Что касается коллегии, это тоже законный орган, он определен регламентом, утвержден парламентом. Но когда хочешь найти причину в чем-то, её всегда найдешь.

Корреспондент: — Опять по-прежнему сложное положение имеется в Абхазии. С одной стороны, представители вооруженных сил Абхазии уже начинают диалог с грузинской стороной; "Комитет спасения Абхазии", обращается к Генеральному секретарю ООН и в этой войне убивает Ардзинба и обвиняют деструктивные силы России и Северного Кавказа; создается гагрский батальон, хотя с большими трудностями; господин Кавсадзе находится в Нью-Йорке и действует в заседании ООН, где обсуждается абхазский вопрос. С другой стороны, говорят о том, что абхазскую войну можно было в одну неделю закончить, но руководство специально её затягивает, так как это необходимо было ему для примирения противоположных сторон для проведения выборов и для оправдания экономических трудностей. Как мы сказали, часть парламента потребовала созвать отдельное заседание в связи с абхазским конфликтом, которое должно состояться на этой неделе.

Шеварднадзе:— Я бы эту войну назвал бессмысленной, война в собственной стране, конечно, есть бессмысленная война. И как я неоднократно говорил, мы не начинали эту войну и не для войны мы вошли в Абхазию. Но разговоры о том, что кто-то войну затягивает, что по-моему, больше, чем несправедливо. Я не хочу употреблять такие слова, как клевета и другие. Те люди, которые непосредственно увидели, испытали то несчастье, которое сопутствует войне, может имеют право употреблять такие выражения. Но я первый и буду первым среди тех, кто идет пути, чтобы как можно скорее закончилась эта война. Нельзя, чтобы эта война продолжалась долго, нельзя, чтобы мы имели с абхазами бесконечную войну. Абхазы являются нашим народом, нашими гражданами. И несчастье абхазского человека я воспринимаю, как несчастье грузинского человека. Поэтому, как можно скорее надо закончить войну. И для этого делается все. Я не исключаю и того, что, "возможно, мы вернемся и к роли России в тех рамках, в рамках того договора, который был подписан 3 сентября. Там было хорошее основание. Первые контакты с Россией указывают на то, что этот вариант не исключается, но чтобы были гарантии страховки, нам нужен ООН, его Совет Безопасности. Сандро Кавсадзе именно с таким заданием находится в Нью-Йорке. Я думаю, в эти дни состоится новое заседание Совета Безопасности. Одну резолюцию там уже приняли, я думаю, что Совет безопасности пишет резолюцию в поддержку Договора опять таки от 3 сентября, в поддержку того, чтобы путем политического диалога решить этот вопрос. И если так или иначе будет признана необходимость участия России, Совет безопасности выработает соответствующий контроль за этим, создаст соответствующую большую группу наблюдателей как из ООН, так и из Совета безопасности. И с этой стороны будет больше гарантий того, что соглашения будут выполнены.

Я не исключаю и того, что мы более активно должны думать о диалоге непосредственно с абхазами. Такой диалог начался с разными группами, с представителями разных слоев. Некоторые из них плодотворны, некоторые не плодотворны пока-что, но диалог идет. Я не исключаю, что ~~между сторонами~~ может состояться примирение на двусторонней почве, в результате переговоров грузин и абхазов. Это не исключается, такие факты у нас имелись и такие прецеденты у нас были исторически.

Корреспондент: — весной истекает срок контракта миротворческих сил, которые находятся в регионе Цхинвали и если учитывать:

тот факт, что Цхинвали фактически становится осетинским городом; визиты представителей президента России в республики Северного Кавказа, что постепенно заставляет полагать, что Россия становится гарантом стабильности Кавказа; с другой стороны инициативы евросовета и визиты господина Диамата у нас, я имею ввиду; учитывая все это, насколько вы считаете обязательным нахождение вооруженных сил России там в будущем?

Шеварднадзе: — Вот Ваше выражение — "Цхинвали стал осетинским городом", не совсем точно. Цхинвали был осетинским городом. Когда я туда приехал, там почти не было грузин. И с тех пор если не прибавились там грузины, не уменьшились по крайней мере, определенное количество грузин там прибавилось. Но если бы там не было воинских частей России и наших подразделений, положение было бы ещё хуже... Большое значение имело прибытие в Цхинвали Тенгиза Сигуа со своими министрами и комитетами для урегулирования вопросов, связанных с этим регионом. Но такие поездки должны быть систематическими, а не эпизодическими...

К сожалению, Абхазия нас значительно отдалила от проблемы Самачабло, но во всяком случае, там не льется кровь. Есть некоторые осложнения, неприятности, но в принципе есть мир. И как мы используем период этого перемирия, от этого зависит судьба этого региона и наша судьба, судьба Грузии.

Корреспондент: — Большое спасибо. И сегодня — Ваш день рождения, я поздравляю с днем рождения, желаю долгих лет жизни. Если бы были более лучшие времена, наше интервью прошло бы по другому. И все-таки, Я хочу таким вопросом закончить свою беседу. Я помню, когда ~~Виктори~~ Вы стали Министром иностранных дел, в Тбилиси распространился такой анекдот, будто бабушка Эд. Шеварднадзе перед смертью передала письмо ему и сказала, чтобы он открыл это письмо тогда, когда он достигнет пика своей карьеры. Шеварднадзе стал Министром внутренних дел — решил открыть письмо, но передумал, так же повторилось, когда он стал секретарем ЦК Грузии и Министром иностранных дел. Сейчас меня интересует, это письмо открыто или опять оно припрятано у Вас в груди?

Шеварднадзе: — Благодарю за поздравление, действительно, множество звонков, множество писем ко мне приходит из разных уголков мира. и я должен сказать Вам, что я запретил, чтобы об этом печатали. Сегодня не то время, когда можно отмечать дни рождения или юбилеи. Естественно, каждый человек в своей семье по-своему отмечает это.

И я такую традицию имею в своей семье и этим завершится все.
Что касается того письма, которое так тайно хранится, он
ещё не раскрыто и когда я его открою, тогда опубликую.

Перевод с грузинского